

УДК 124.1/6:18:19

КРИЗИС КАК МИФОПОРОЖДАЮЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Л.А. Гулюк

Белгородский государственный университет, 308008, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: guluk@bsu.edu.ru

В статье с позиции системного подхода период рубежа XIX-XX вв. русской культуры рассматривается как переходный, где кризис выступает определяющим культурологическим явлением. Предполагается, что кризис создает систему запросов, ответом на которую выступает миф. Миф как идеальный тип возникает для преодоления кризисной социокультурной ситуации эпохи, для создания смылосущих элементов, с помощью которых конструируется новая ценностная система жизнедеятельности.

Ключевые слова: кризис, «переходность», миф, творчество, эпоха Серебряного века.

Переходный период рубежа XIX-XX вв. является одним из важнейших, кардинальных, узловых этапов в истории русской культуры. Мировоззренческая значимость культурно-исторического пограничья XIX-XX веков очевидна. Именно на рубеже веков в России пробуждается оригинальная, самостоятельная философская мысль, проникающая в глубь противоречий современной жизни, оказавшая влияние на последующий ход исторического развития всего XX века. Сегодня еще едва ли удастся адекватно понять и осмыслить на должном уровне все то, что было создано и переосмыслено в тот период.

Однако «наэлектризованная» различными настроениями, поисками, устремлениями, атмосфера рубежа веков парадоксально сочетала в себе необычайно яркий творческий подъем и ощущение кризиса, духовного декаданса. Многие современные исследователи (Н.А. Хренов, И.В. Кондаков, Т.Ф. Кузнецова, Т.Ю. Сидорина, Н. Богомолов, З. Жукоцкая, О. Рябов), изучающие русскую культуру рубежа XIX-XX веков, отмечают кризисное мироощущение, эпохальный трагизм. «В воздухе чувствовалась трагедия» [1], – еще до того, как она произошла. Данное противоречие попробуем объяснить, обратившись к сущности переходного периода.

В 90-е годы XIX века и первое десятилетие XX века кризис охватывает буквально все сферы жизнедеятельности общества. В большей степени кризис проявляет себя в идее кризиса эпохи, культуры, человека и человечества. О кризисе говорят, кризис становится объектом пристального внимания.

Особое место анализ кризисного мироощущения в этот период занимает в творчестве представителей русской религиозной философии Вл. Соловьева, С. Булгакова, Н. Бердяева, Г. Федорова, С. Франка. Для работ русских мыслителей свойственны определенные тенденции в оценке кризиса, особенности восприятия и подхода к рассмотрению проблемы, обусловленные собственно российскими реалиями.

Русские философы *чувственно* переживают кризис культуры, связывают его с кризисом мироощущений, катастрофизмом сознания, признавая конечность хода истории. «Русскому сознанию дано понять кризис культуры и трагедию исторической судьбы более остро и углубленно, чем более благополучным людям Запада» [2], – отмечает Н. Бердяев. Произведения русских философов полны тревоги о будущем человечества, о судьбе России. Не случайно философы часто обращаются к теме Апокалипсиса, грядущей катастрофы, конца истории, отличающее творчество русских религиозных мыслителей как мироощущение времени. Религиозная мифология обрела статус реальности в их дискурсе. Если для Запада трагедия заключается в утрате индивидуальных интеллектуальных и

творческих способностей, то для России – это осознание возможности родового, даже вселенского окончания человеческой истории.

Л. Кацис в статье «Апокалиптика «серебряного века» отмечает необычайный всплеск апокалиптической тематики, определяя это как одну из важнейших тенденций в литературе и искусстве. Исторические события начала XX века дали достаточно оснований для обострения кризисного мировосприятия, размышлений о грядущем Апокалипсисе, конце света. Л. Кацис пишет, что «в ожидании второго пришествия люди начала XX века неизбежно задумывались о причинах пришествия первого. Ведь это было начало последнего века двухтысячелетней истории христианства» [3].

На страницах литературных изданий встречались высказывания, констатирующие кризисное состояние российского общества, нестабильность общественного сознания, культуры, искусства. Художественные настроения крупнейших литераторов России питаются ощущением скуки жизни, томлением смерти, выражают раздвоенность нравственного сознания, замещение естественного отношения к жизни оккультно-мистическим символизмом [4].

Предчувствие гибели старой патриархальной России наложило печать упадка на настроение, мироощущение творческой интеллигенции Серебряного века. Выразителями эсхатологических настроений в России в начале века явились представители течения символизма, прежде всего Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок. Уже в самих названиях произведений символистов проявляется характер их мировосприятия, например: «Апокалипсис в русской поэзии» (А. Белый), «Кризис индивидуализма» (Вяч. Иванов).

Номинация кризиса рубежа веков обнаружила в себе аксиологические, эсхатологические, апокалиптические составляющие. Кризис показал себя как смена культурных ценностей эпохи, идей о грядущей катастрофе; дух эпохи выразился в кризисе веры. Это было время духовного смятения, беспокойства, предчувствия, ощущения конца существования. Данный кризис можно определить как следствие особого исторического расположения культуры, когда один вековой пласт приходит на смену другому, называемый термином «переходность». Кризис связываем с переходом культуры на качественно новую ступень развития, который возникает в результате кризиса ценностных характеристик, когда прежние идеалы исчезают, взамен коим требуется создать новые устои, нормы.

Традиционно термин «переходность» рассматривался с позиций двух альтернативных общекультурных систем его интерпретации: линейная и циклическая. В соответствии с этими системами может быть по-разному истолкована переходная ситуация рубежа XIX-XX вв. как линейное, поступательное развитие, как циклическое, в виде смены циклов. Однако, по замечанию Н.А. Хренова, рубеж XIX-XX вв. как переходный период изменил отношение к историческому времени, породив сомнения в конструктивности выявления в истории линейной логики и одновременно уверенность в эффективности осмысления истории в духе циклической логики.

В связи с этим оптимальным представляется рассмотрение данного переходного процесса с позиции системного подхода, теории И. Пригожина, И. Стенгерс, которая уточняет первые две. Н.А. Хренов склонен рассматривать данную концепцию не просто как теорию, уточняющую эволюционистскую и циклическую парадигмы, но как самостоятельную парадигму в изучении исторического времени, позволяющую интерпретировать переходные ситуации в истории [5].

Если воспользоваться терминологией И. Пригожина, то вся культура представляется некой системой, содержащей подсистемы, которые непрерывно флуктуируют. В результате флуктуации, отклонения одной из подсистем или комбинации систем существовавшая прежде организация разрушается. В этот переломный момент (который авторы книги называют *особой точкой* или *точкой бифуркации*) теряется равновесие всей системы. Эти периоды, как правило, сопровождаются кризисами, возникновением и эскалацией рисков, провоцирующих деструктивные явления в культуре, трансформациями мировоззрения общества в целом, социокультурными сдвигами, противоречивостью художественных

тенденций. «Завершение одной эпохи и начало другой сопровождается катаклизмами, глубокими потрясениями, возникновением типа личности с разъединенным сознанием, не способным идентифицировать себя. В такие периоды возникают апокалипсические настроения, ощущение завершенности истории, затерянности в мире, который воспринимается чужим и враждебным» [6]. Переходность как кульминационный момент в системе, где действует принцип отклонения, остро заявляет о своем дальнейшем функционировании, поскольку существующая до сих пор система организации разрушается, утрачивается детерминизм по поводу ее будущего существования. Предсказать, как будет функционировать система в будущем, невозможно: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности, организации, который авторы называют «диссипативной структурой». Однако когда бифуркация преодолевается, система вступает в новую фазу развития, тогда же становится реальной новая логика детерминизма [7].

Данная теория возвращает нас к категории хаоса. Хаос оказывается предпосылкой порядка, условием перехода от одного состояния системы в другое. Новый, более высокий уровень организации системы возникает в результате распада ее прежней организации и нарастания хаоса. Хаос оказывается предпосылкой нового порядка. Можно даже утверждать, что порядок рождается из хаоса, который оказывается условием перехода из одного состояния системы в другое. Речь идет о некоей беспрецедентной ситуации, которая резко отличается от предшествующего и последующего исторического процесса. Смысл этой ситуации состоит в разрыве, в исключительном нарушении преемственности, в переоценке всех ценностей. Хаос порождает кризисное мироощущение, на преодоление которого должны возникнуть качественно новые условия. Этим объясняется актуализация в переходные эпохи поиска инновационных подходов.

Соотнося процесс перехода с утратой системы равновесия, обратим внимание на то, что утеря равновесия необходима, ибо лишь в этой ситуации могут спонтанно возникать качественно новые и альтернативно новые формы организации. В процессе преодоления негативных настроений формируются и создаются новые смыслы, осуществляется «выход к качественно новому смыслу», происходит переоценка ценностей и перестановка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры. Данные проявления связаны с обнаружением внутреннего потенциала культуры, новых возможностей ее внутреннего развития. Если просмотреть мировые кризисы, то часто смутное время предшествует рождению новой парадигмы мышления, закладывающей новую ценностную доминанту, определяющую весь последующий культурно-исторический процесс. Инновации лежат в основе рождения новых эпох, создают базис для проявления модифицированных ценностей.

Таким образом, явление «переходности», со свойственными ему характеристиками намечает главную проблему – проблему пересоздания действительности в художественной, философской, политической сферах жизнедеятельности, изменения универсальной картины мира, перехода на новую стадию развития.

Формирование особой атмосферы, переход от одного состояния к другому возможен только при наличии особого эмоционального состояния; требуется проявления творческой фантазии, чтобы «сотворить» новую реальность. «Переходность», как состояние «свободного небытия» (Н. Бердяев), с одной стороны, стимулирует творчество, а с другой безумие. Как отмечал М. Фуко, безумие, как социокультурный феномен обнаруживает в своей природе способность быть «хранилищем» смыслов, выступает знаком, «который удерживает и подвешивает смысл, устанавливает некую пустоту, в которой возникает еще неосуществившаяся возможность того, что там найдет себе место какой-то смысл, или же другой, или, наконец, третий – и так, возможно, до бесконечности» [8]. Безумие в чистом виде как «исключенный язык» [см. 9] до бесконечности может продуцировать различное количество «подвешенных» смыслов, накаляя обстановку пустоты. Однако идея перерождения мира, пересоздания новых ценностей, инноваций может воплотиться только через творчество, через акт речемыслительной деятельности. Культура как система

ограничений, по М. Фуко, не допустит безумия. Культура новые смыслы творчества направит на создания новой ценностной парадигмы.

В данном случае творчество и миф оказываются неразличимы, поскольку миф как особая коммуникативная, знаковая система сообщает, задает человеку правила жизни, нормы поведения, которые являются важными и значимыми для выживания в окружающем его мире. Человек как существо, действующее в рамках символической культуры, созданной им самим, всю информацию кодирует в знаковых системах. Миф представляется неотъемлемой частью данной системы. Миф дарует человеку смысл, при этом оказывается шире, чем смысл [10].

Мифологическая действительность в беспорядочном хаосе разрушенной системы переходного периода оказывается сильнее, жизнеспособнее, чем логичная действительность, продуцируемая наукой.

Обращаясь к механизму действия мифа, выведенного Р. Бартом, определяем миф как некое дискурсивное образование, где индивид надстраивает над смыслом первичной знаковой системы («означающее», элемент реального) дополнительные коннотации («означаемое», идеальное). Заполняя новым смыслом знак первичной семиологической системы, миф оживает, становится реальным в результате процесса «натурализации» в силу суггестивности мира. В состоянии слова миф открывается для усвоения обществом, рождает цепь искусственных отношений и трансформаций. Миф, как вторичная знаковая система, возникающая как попытка построения на личностном интуитивно-образном уровне восприятия целостной картины мира, искусно сочетая в себе элементы реального и идеального, стремится преобразить мир, вывести из состояния хаоса, создать идеальный образ действительности.

Если так рассуждать, то получается, что в своем функционировании система от одного состояния переходит к другому, от одной логики детерминизма к другой. Этот период осуществляется в форме бифуркации, когда порядок сменяется хаосом, а устойчивость неустойчивостью, что приводит к утверждению уникального, качественно нового состояния в рамках мифологического мышления. Таким образом, кризис эпохи переходности вызывает к жизни миф, чтобы преодолеть апокалиптизм, эсхатологизм.

Серебряный век русской культуры предстает перед нами именно таким переломным моментом, точкой бифуркации, собственно переходным периодом с присущими признаками кризисного мироощущения и стремлением преодолеть их. При всей эсхатологичности, апокалиптической обостренности все русские художники и мыслители данного периода верят в возможность преображения, обретения новой жизни. В стремлении преодолеть сложившуюся кризисную обстановку рождаются новые идеи, мысли, коренным образом меняется, переворачиваются принятые нормы, ценности, ориентиры. Философы, поэты, размышляя о судьбе России, возможности духовного возрождения, обращаются к поискам выхода из кризисной ситуации.

Принятые жизненные ориентиры: проекция на позитивизм, традиционное религиозное мировоззрение, натурализм, – в культуре Серебряного века перестают удовлетворять новым потребностям эпохи, угасающей эпохе, обозначивают в общественном сознании пустоты. Мир оказывается не просто непознанным, но и непознаваемым. Сознание ошибочности, неполноты прежнего знания ведет к поиску новых путей постижения реальности, требует обновления во всех сферах жизнедеятельности общества, смену привычных парадигм. Отсюда менялось сознание и мышление человека в данных условиях коренных изменений с точностью наоборот, в условиях наметившихся пустот. Происходит поворот к иррациональной философии. Философия отходит от универсальных рационалистических построений, погружается в сферу субъективного опыта.

Научная картина мира не давала ответы на многие вопросы, не создавала цельного представления о мире, хотя это и было время великих открытий в области естественных наук, математики, физики. Наоборот, те изменения, которые происходили в связи с новыми

знаниями ставили человека перед лицом еще более сложных и неразрешимых проблем. Происходило усиление мощи воздействия на окружающий мир, изменение условий существования, что не могло не отразиться на сознании человека, на его мироощущении. Крепло желание, опираясь на новые технические возможности, активно вмешаться в природный мир, переделать его по своему усмотрению. Известный афоризм «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», как нельзя лучше передавал настроения эпохи прогрессивно мыслящей и работающей. Даже более глубокое проникновение в тайны природы не способствовало большей близости с ней, а напротив, превращало последнюю в нечто чуждое, далекое, допускающее только деловой технический подход. «Негуманный человек» и «неестественная природа» – так определил Р. Гвардини суть изменений в культуре конца XIX века.

Возникло несоответствие ощущаемого человеком и выведенного наукой. И в этом неустойчивом мире человек оказался в ситуации «без руля и без ветрил», ибо, разрушив, наука не смогла ответить человеку на сокровенные вопросы бытия, на то, что есть сам человек, каково его место и роль в этом мире. В эпохи, которые мы называем переходными, это несоответствие чувствуется особенно остро, человек всегда стремился получить цельное представление о мире и определить свое место в этой системе. Возникло подсознательное ощущение многомерности мира, признание неразрывности пространства и времени, их неразделимости в природных условиях.

Парадокс, но итогом величайших открытий в науке, поколебавших прежние представления о строении мира, становится кризис позитивизма. В связи с этим объяснение мира с позиции рациональности уже не действует. На смену рациональному приходит иррациональное. На рубеже веков отмечается процесс активизации иррационального, чувственного и религиозного понимания мира и человека. Усиливается интерес к искусству, этике, гуманитарным знаниям, одновременно проявляется критика научно-технического прогресса.

В ситуации кризиса рационалистической картины мира мифологическое восприятие культурной картины мира становится наиболее адекватным способом трактовки действительности. Миф, утратив в свое время роль универсального способа мышления, в культурном рубеже веков приобретает новую жизненную силу, становится особой формой мировоззрения, спасает от доминирующих апокалипсических настроений эпохи.

Таким образом, миф возникает в стремлении преодолеть отчужденность мира, «возвращается», чтобы заменить, закрыть зияния, лакуны, образовавшиеся в результате невозможности понять этот мир, когда потеряны ориентиры. Миф призывается создать новую реальность, стать самой действительностью. Кризис способствовал созданию единой философско-религиозно-художественной мысли. Стремление выразить целостность культуры, преодолеть разорванность с миром отразилось в создании духовного синтеза всех форм культуры. Форма, в которой отливается эта эклектика духовной культуры, становится мифология. Именно миф заполнял лакуны кризисного мироощущения, зажигал пустоту «огнями образов» [11]. «Слово рождало образный символ – метафору; метафора представлялась действительно существующей; слово рождало миф; миф рождал религию; религия – философию; философия – термин» [12], – данные слова А. Белого явились программными для всей эпохи Серебряного века, мифологической эпохи. В этом плане показательной становится роль творца-мифотворца, мыслящего категориями теургии, жизненной задачей которого заключалась в преображении и раскрытии мира в себе и вокруг себя, создании единого пространства. Не церковная вера господствует и подчиняет себе человека, а сам человек в своем творческом порыве создает образ живого Бога, использует факты религии для его разумного обустройства.

В попытке преодоления кризиса в сознании общества на арену выходят творцы, призванные спасти мир от разрухи. Рождаются новые идеи, мысли, коренным образом меняется, переворачиваются принятые нормы, ценности, ориентиры. Все русские художники и мыслители включаются в процесс жизненной трансформации посредством своего

творчества. В результате творчество становится доминантой эпохи. Творчество выводится из сферы бессознательного, становится мифотворчеством. В мифологическом сознании каждый воспринимает себя творцом, готовым создать свой мир, идеальный, а затем превратить его в реальный.

Творец-автор ставит себя на одну ступень с Творцом-Богом, наделяет себя высшей способностью вершить судьбами других людей, показать им истинную картину мира, некогда расколотую, а теперь соединенную с помощью мифа из фресок авторских фантазий. Автор превращался в провидца, могущего разрешить все проблемы, ему суждено стать самим судьей, оценивать этот мир и показать правильную дорогу.

Текст в различных его вариациях (художественный, философский, живописный), являясь следствием импульсов, идущих от общих культурологических константов новой эпохи (человек и судьба индивидуального сознания, повышенная чувствительность к новому, стимулирующая состояние непрерывного поиска, безграничная вера в слово, благодаря эвоцирующей природе которого человек превращается в творца), перестает пониматься как однозначное отображение объективной реальности. Кроме совокупности кодовых знаний, текст делается самой реальностью, созданной человеком, да и сама реальность затем наделяется свойствами текста. Текст мифотворца становится выражением пророческих идей, приобретает статус сакрального.

Выдающейся фигурой эпохи, муки поисков истины для которого стали прологом исканий нового периода, является философ, мифотворец В. Соловьев. «Можно отвергать все миропонимание В. Соловьева в целом, – пишет В.Ф. Бойков, – можно опровергать его в частном, выделяя рациональное или иррациональное зерно, рискуя с водой выплеснуть и ребенка, но нельзя отрицать исторический факт – деятельность В. Соловьева есть неотъемлемый элемент русской культуры» [13]. Неоспорим и тот факт, что В. Соловьев является той центричной фигурой, вокруг которого создавались поэтические и жизненные миры творцов Серебряного века.

В. Соловьев, ощутив кризис цивилизации, культуры, приходит к выводу о необходимости ее обновления и преображения на основе творческого развития христианского духовного наследия, приобщение к которому способствовало бы избавлению от кризиса. В. Соловьев как провидец создает свою Библию, интерпретируя первоисточник. Сакральный текст В. Соловьева, воплотившийся в трактатах «София», «Смысл любви», «Чтения о Богочеловечестве», несет в себе информацию о новой мире, человеке, ценностях. Идея, разработанная В.С. Соловьевым, собирает поэтические и жизненные миры многих творцов Серебряного века, А. Блока, А. Белого, К. Бальмонта, Н. Бердяева. В. Соловьев создает человека истинного, который «в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [14]. В. Соловьев лишает половой дифференциации человека абсолютного, отказывает ему в половой любви и продолжении рода. Главной целью является достижение идеала, заключающий в себе образ Божий, наделенный исконными христианскими качествами любви, самопожертвования, которые «по отношению к людям возможны только тогда, когда в них осуществляется безусловное, выше людей стоящее начало» [15]. Требуется воссоединение человека и мира с «безусловным, всецелым началом», Богом. Новый человек, Богочеловек-андрогин В. Соловьева еще более фантастичен и утопичен, чем Сверхчеловек Ф. Ницше.

Причем, представление о космосе и Боге у В. Соловьева трактуются иным образом, чем в первоисточнике. Преобразуя христианские догматы в новый религиозно-философский концепт, В. Соловьев отделяет энергию Высшего от его сущности, обнаруживая в нем женскую специфику Софии, которая рассматривается в метафизическом, мистическом, аксиологическом аспектах. С одной стороны, София есть воплощение духовной целомудренности, Абсолюта, воплощает метафизический принцип всеобщего порождения. С другой стороны, она – мировая женская душа, новое божество новой религии. В. Соловьев еще называет ее как «Другое единство, различное, хотя и неотделимое от первоначального единства Божия, ...единство пассивное, женское...» [16]. Преображение человека возможно

через женское как проводника Божественной силы, творимое мужским. Соловьевская речемыслительная деятельность, направленная на ответную деятельность, нашла своих последователей в лице Н. Бердяева, С. Булгакова, А. Блока, А. Белого. Развивая идеи В. Соловьева, подчас оспаривая их, данный конгломерат мысли так же репрезентирует себя в тексте.

Существование мифа на рубеже XIX – XX веков – культурное достижение, так как здесь миф является способом осознания целостности мира, мобилизацией возможности творческого духа, спасением от чувства страха перед хаосом. Кризис как определяющее культурологическое явление эпохи Серебряного века создает систему запросов, ответом на которую и выступает миф. Миф как идеальный тип возникает для преодоления кризисной социокультурной ситуации эпохи, для создания смыслоносущих элементов, с помощью которых конструируется новая ценностная система жизнедеятельности. Миф становится тем пространством, в котором жизнь человека оформляется, реализуется.

Список литературы

1. Серебряный век: Мемуары (сборник)/ Вступит. статья. Н. Богомолова. – М.: Известия, 1990. – С. 63.
2. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к власти// Н.А. Бердяев Смысл истории. – М, 1990. – С. 161.
3. Кацис Л. Апокалиптика «серебряного века»// Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. – М., 2000. – С. 12-13.
4. См.: Солонин Ю.Н. Кризис культуры в контексте русского и западного менталитета // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 3 (№20). – СПб., 1993. – С. 9.
5. Хренов Н.А. Переходность как следствие колебательных процессов между культурой чувственного и культурой идеационального типа // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время. – М.: Наука, 2003. – С. 26.
6. Кондаков И.В. «Смуга»: к типологии переходных эпох в истории русской культуры // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время. – М., 2003. – С. 135.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986. – С. 34.
8. Фуко М. Безумие, отсутствие творения//К. Г. Юнг, М. Фуко. Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 144.
9. Там же.
10. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. – С. 31.
11. Белый А. Магия слов //Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 137.
12. Бойков В.Ф. Соловьиная песня русской Философии // Владимир Соловьев: pro et contra. – СПб., 2000.
13. Там же. – С. 7.
14. Соловьев В. Смысл любви // Русский Эрос или философия любви в России /Сост. В.П. Шестаков. – М., 1991. – С. 41.
15. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве //www. vehi.net. – С. 7.
16. Соловьев В. Смысл любви // Русский Эрос или философия любви в России /Сост. В.П. Шестаков. – М., 1991. – С. 62.

THE CRISIS IS A CAUSE OF THE MYTH IN THE TRANSITIONAL EPOCH OF THE SILVER CENTURY

Lidiya Guliyk

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308008, Russia;
e-mail: guluk@bsu.edu.ru

In the article the author consider the Silver century as a transitional epoch. The crisis was a determinant, cultural phenomenon of that epoch. The author supposes that the crisis produce the system of the spiritual demands. The myth as a ideal type appears to overcome the crisis of the transitional epoch.